

А
Виктор Чалмаев

Солнечная книга Александра Неверова

Неверов А. С. Ташкент - город хлебный. Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман. / Вступ. ст. В. А. Чалмаева. М.: Правда, 1983
OCR Ловецкая Т.Ю.

"Книгу бы написать такую - солнечную.

Налить ее радостью до краев и

сказать всему человечеству:

- Пей, жаждущее!"

А. Неверов. "Веселые ребята"

Есть у Сергея Есенина в стихотворении "Эта улица мне знакома" (1923) такие строки:

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана,
И стеклянную хмарь Бухары.
Ах, и я эти страны знаю -
Сам немалый прошел там путь...

В отличие от поэта, для которого "стеклянная хмарь Бухары" была лишь красивым миражем, Александр Неверов (Александр Сергеевич Скобелев), осенью 1921 года ездивший в Среднюю Азию за хлебом для семьи, в течение трех месяцев двигавшийся в огромном человеческом потоке из голодного Поволжья, мог с полным правом сказать: "Сам немалый прошел там путь..." И сам Ташкент - город хлебный для него не условность, не хрустальная декорация. Это реальнейшее, социально-конкретное воплощение, как справедливо отметил Н. Страхов, "необоримой мощи воспрянувшего народного духа, поэма, озаренная светом гуманистических идеалов революции".

Время постепенно создало, "вылепило" свой образ автора "Ташкента - города хлебного", выделило из груды подробностей, мелочей, из множества трагических порой заблуждений и сомнений решающие черты его таланта, его личности. На групповых фотографиях 20-х годов этот человек то в скромной и строгой учительской "тройке", то в крестьянской рубахе, но с неизменной "упряминкой", истовым желанием добраться до истины, сливается с "узкокрестьянскими" писателями вроде П. Ярового, которые так и остались представителями "течения", "группы", авторами деклараций, интересных для историков литературы. Александр Неверов уже давно утратил для читателя эти, напоминающие скорее песчаные фасонные "опоки" для разлива чугуна, измерения. Облик художника - в его лучших произведениях, ставших летописью судеб народных, в том движении человеческих судеб, которое запечатлено на их страницах.

И не в одной личной поездке писателя в Ташкент истоки замечательной книги об одиссее Мишки Додонова. Писатель вообще ни единым словом, даже в уголке картины, не обозначил себя лично. Не вспомнил он даже собственные статьи о голоде, не вспомнил о жарко горевшей в сердце ненависти к спекулянтам и зарубежной буржуазии с ее филантропической моралью ("...у нее кошелек вместо души и сердца"). Но каким лиризмом, выстраданной мукой и верой наполнены все картины пробудившейся, сдвинувшейся с места мужицкой Руси!

История родной страны - священное достояние художника. И есть события, мгновения даже, героические или трагические, которые подлинно народный художник не вправе "пропустить", не запечатлеть. Русский живописец Борис Кустодиев в 1917 году с особой силой ощутил, например, что даже он, прикованный к креслу, не вправе пропустить бурлящую революционную улицу: "...ведь "такой" улицы столетиями надо дожидаться!"